

ИМПЕРСКАЯ ВЛАСТЬ И ДЕБАТЫ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ ГРАНИЦ ЗЕМЕЛЬ КАЗАХОВ ОРЕНБУРГСКОГО И СИБИРСКОГО ВЕДОМСТВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Г. Б. Избасарова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 12 февраля 2016 г.

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы разграничения земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств после реформ 1822–1824 гг. На основе архивных материалов исследуются мотивы и методы проведения границы, изучаются аргументация и позиции начальников Оренбургского и Западно-Сибирского края по данному вопросу.

Ключевые слова: граница, казахи, жуз, Оренбургский военный губернатор, генерал-губернатор Западной Сибири, МИД, Азиатский департамент, империя.

Abstract: problems of the Orenburg and Siberian departments Kazakhs' land demarcation after the reforms of 1822–1824 years have become the subject of this article study. The motives and methods of marking a frontier considered based on the archival materials. The arguments and positions of heads of Orenburg and West Siberia regions on this issue have been studied.

Key words: border, Kazakhs, horde, Orenburg military Governor, General-governor of Western Siberia, Ministry of foreign affairs, Asian department, empire.

Усиление позиции Российской империи в казахских жузах в начале XIX в. ознаменовалось проведением реформ 1822–1824 гг. Это было началом нового этапа во взаимоотношениях России с подвластными казахами Младшего и Среднего жузов и определением их статуса в империи. После принятия «Устава о сибирских киргизах» (1822 г.) возник вопрос об определении границ казахов Среднего и Младшего жузов между Сибирским и Оренбургским ведомствами. Это было связано с тем, что часть сибирских казахов кочевала постоянно против левого фланга Оренбургской линии на протяжении свыше 300 км. Отсутствие межевых знаков затрудняло определение принадлежности некоторых пограничных районов.

В 1824 г. открываются первые внешние округа на территории Среднего казахского жуза. При открытии Кокчетавского и Каркаралинского внешних округов (1824 г.) Сибирского ведомства появились первые затруднения чиновников по определению казахских родов Среднего жуза в состав ведомства. Так, например, султан Джума Худаймендиев с подвластными аргынами изъявил желание перейти в Западно-Сибирское ведомство, хотя по реформе 1824 г. территория аргынов вошла в состав Восточной части Малой Орды. 50 тыс. аргынцев, кочующих против Зверино-головской и Пресногорьковской крепостей по р. Абуга, должны были перейти под власть сибирского генерал-губернатора П. К. Капцевича [1, л. 120].

Генерал-губернатор П. К. Капцевич (1822–1827) по данному вопросу интересовался мнением своего коллеги – оренбургского военного губернатора П. К. Эссена, но через некоторое время султан изменил свое решение и остался в составе Восточной части Оренбургского ведомства [2, л. 111]. Граница была неопределенной. В 1831 г. составлена карта, где граница обозначалась линией, которая проходила от редута Сибирского по истокам рек Тургаев до гор Улутау [3].

В 30-е г. XIX в. широко обсуждался вопрос о проведении границы между двумя ведомствами. Оренбургский начальник дважды обращался к генерал-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову (первый раз 18 мая 1834 г.) с данным вопросом, приводя подробные замечания и пояснения на сомнительные статьи. Граница между ведомствами была обозначена генеральным межеванием и известна была под именем Красного Столба¹.

Спор о границе между ведомствами начался еще в 1818 г. из-за рыболовных озер между оренбургскими и сибирскими казаками. С согласия оренбургского военного губернатора П. К. Эссена и генерал-губернатора Западной Сибири Г. И. Глазенапа была определена граница между ведомствами. «Назначить черту, начиная с вершины реки Каракундузлы Джимат, впадающей в реку Абугу до вершины реки Алабуги, проходя вниз до озера Улукуля, лежащего от

¹ Красный Столб был расположен между Алабужским и Сибирским редутами.

редута Сибирского в 30 верстах, потом, оставя влево, до впадения в Тобол, откол на вершину речки Алабуги до пикета Тычка, со всеми лежащими на левой стороне берегов тех рек озерами, оставить в пользу жителей Оренбургской линии, а на правой для жителей Сибирской линии», – так была определена граница [4, л. 49 об.]. Данное разграничение касалось прав рыбопромышленников, но не относилось к земельным правам кочующих здесь казахов [там же, л. 50].

По мнению Альфреда Рибера, «в реальности пограничные линии, будь то территориальная граница или социальная, склонны быть скорее пористыми, нежели непроницаемыми» [5, с. 199].

9 ноября 1832 г. оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен сообщал директору Азиатского департамента МИД К. К. Родофиникину, что «Сибирское начальство, простирая влияние своих распоряжений по принятой правительством системе для образования сибирских народов, виды оного начали достигать некоторую часть земель ордынцев Оренбургского пограничного края. Генерал Вельяминов (Иван Алексеевич, генерал-губернатор Западной Сибири в 1827–1834 гг. – Г. И.), полагая полезным основать наблюдательный пост при реках Тургаях, принял во внимание предложение султана Джумы Худаймендиева, бывшего султана правителя Восточной части Оренбургских киргизов, освобожденного от должности в 1828 году» [4, л. 22].

Согласно § 285 и 314 «Устава о Сибирских киргизах» 1822 г. генерал-губернаторам Западной Сибири разрешалось открывать внешние округа во всех кочевьях Среднего казахского жуза; § 318-м не допускалось перенесение линии на границу без разрешения Высшего правительства [там же, л. 37 об.].

В 1832 г. военный министр А. И. Чернышев разрешил генералу И. А. Вельяминову провести рекогносцировку внешних округов Омской области [там же, л. 38]. Согласно этому, подполковник Генерального штаба, начальник данной рекогносцировки Бутовский, в команде которого было 120 человек, в том же году закончил 1 часть работы. Он докладывал, что арғыны подрода жоғары-шекты и кыпчаки подрода кидель дали разрешение на учреждение в их волостях нового порядка управления [там же]. Но осенью того же года, по Высочайшему повелению, было отменено военно-топографическое и статистическое рекогносцирование внешних округов, запланированное на 1833–1835 гг. Это объяснялось тем, что цель подобных экспедиций не была ясна казахам и могла «поселить в них недоверчивость и даже вражду» [там же, л. 39].

Генерал-губернатор Западной Сибири, генерал-лейтенант Н. С. Сулима (1834–1836) в 1835 г. сообщал, что с этого времени Сибирское начальство не

проводило разграничения земель и определения новой линии.

Возникшая надобность разграничения земель двух ведомств, со слов Н. С. Сулимы, объяснялась тем, что они необходимы для управления внешними округами, а также для прекращения распри между казахами. Для дальнейшей реализации положений «Устава о сибирских киргизах» он предлагал основать крепости на вновь избранных пунктах. Усиление старых крепостей, «признаков древних укреплений»², находившихся в непосредственном распоряжении командира Отдельного Сибирского корпуса, не было необходимо в связи возможностью перенесения линии [там же, л. 39 об.].

Возникновение внешних округов увеличило территорию Омской области более чем на 775 тыс. кв. верст, а численность населения края – на полмиллиона. Эти факты, а также близкое расположение других восточных стран, ведущих торговлю с Россией, требовало переноса главного управления Западной Сибири в Омск. Это также объяснялось и тем, что Омск был расположен почти на равном расстоянии от Тобольска и Томска и был удобным для управления [там же, л. 42].

Но часть казахов Среднего жуза, кочующая против Оренбургской линии, в 1824 г. вошла в состав Восточной части Оренбургских казахов. Это были рода Чакчак, Айдарка, Крйкмултук, Караман, Джаржетим племени арғын, племя кыпчак, род Балта-гирей племени керей, род иленчи-увак племени уак [6, л. 1].

Согласно «Уставу о сибирских киргизах» были открыты Каркаралинский и Кокчетавский (1824 г.), Аягузский (1831 г.), Акмолинский (1832 г.), Баянаульский (1833 г.), Уч-Булакский (1833 г.), Аман-Карагайский (1834 г.), Кокпектинский (1844 г.) округа [7, с. 15, 153, 161, 163–164, 187–188].

Выражение Западно-Сибирского генерал-губернатора о «приобретении новых подданных» при открытии Аман-Карагайского округа вызвало раздражение Петербурга³. «В каком смысле теперь роды и племена Малой Орды приглашены будучи к переходу

² Речь идет о 9 крепостях, в которых были расположены войска, но не было комендантских управлений. Это Кабанья, Пресновская, Становая, Полуденная, Лебяжья, Николаевская, Железинская, Бийская и Кузнецкая. Они были отделены в 1818 г. в непосредственное распоряжение командира Отдельного Сибирского корпуса. Старые строения не ремонтировались и пришли в ветхое состояние. Ежегодно с 1819 г. выделялось 37 тыс. руб. на содержание крепостей, но начальники сибирского края воздерживались от полного получения всей суммы в связи с тем, что «они впоследствии могут быть оставлены» [там же, л. 39 об. – 40].

³ Начальнику Западной Сибири напоминали, что казахи Младшего жуза в 1731 г. стали подданными империи, тогда как казахи Среднего жуза присоединились в 1740 г.

под другое начальство, одной и той же империи, могут называться новыми подданными», – возмущались в центре. Перемещение казахов от одного ведомства в другое рассматривалось как вредное действие. «Оно дает невежественному народу превратные и невыгодные понятия о взаимном отношении двух начальников одной и той же нераздельной империи, представляя в глазах их начальства эти, как будто образующими два отделения владения, из коих каждое старается приобретать подчиненных на счет другого» [4, л. 64 об.].

Оренбургский военный губернатор П. П. Сухтелен высказался против открытия Аман-Карагайского округа⁴ на границе с его подвластными казахами и внутри кочевок Восточной части оренбургских киргизов, выделяя несколько причин [там же, л. 23–23 об., 24]. «Если управление Сибирского начальства распространит свою власть на казахов Восточной части, которые имея летние и зимние кочевья по всей степи вдоль оренбургской линии, на расстоянии более 300 верст, завели на оной с жителями взаимно не бесполезные сношения и приняли навыв повиновения здешнему начальству, однако ж не должен скрывать от Вашего Превосходительства убеждение мое, что от одного шага к распространению далее на запад системы Сибирского окружного управления зависеть может и разрушение всего настоящего распорядка дела и управление Оренбургского пограничного края», – писал граф П. П. Сухтелен К. К. Родофинкину [там же, л. 23 об.].

Оренбургский военный губернатор, выступая против открытия нового внешнего округа около рек Малый и Большой Тургай, обосновывал свое видение еще и тем, что казахи Оренбургского ведомства, число которых растет с каждым годом, «не могут еще почитаться благонадежными верноподданными и что между ними иногда худо скрывается ненависть к русским» [там же, л. 24]. Его беспокоило и то, что казахи данного жуза находились под некоторым влиянием Хивы и что в случае недовольств они могли перебраться в это ханство. Откочевка у номадов представляется как один из видов протеста.

Лучшие кочевья казахов Восточной части находились в местностях рек Тургаев, и открытие здесь внешнего округа требовало бы перехода казахов, кочующих до г. Троицка, в управление генерал-губернатора Западной Сибири. Это также беспокоило оренбургского начальника.

Далее граф П. П. Сухтелен писал, что развитие торговли со среднеазиатскими ханствами призывало обеспечение ее безопасности русскими военными отрядами, и в случае необходимости войска Отдель-

ного Оренбургского корпуса, расположенные близко к данной местности, могли бы выступить сразу.

Следующим аргументом была необходимость учета направления торговых караванов. Бухарские и хивинские караваны ежегодно направлялись в Оренбург, а небольшой бухарский караван – в Орск. Другие же восточные караваны, отдыхая и меняя возщиков на берегах Тургая, определяли здесь дальнейшее свое направление: в Сибирь или Оренбург, но преимущественно в г. Троицк. По мнению начальника Оренбургского края, если попечение о следовании данных караванов поступит в распоряжение его «противника», то это пагубно скажется на оренбургском купечестве. «Выгодно ли империи будет, если обороты азиатской торговли, уже по роду своему столь затруднительные, еще удалены были от средоточия общенародной промышленности, переносом оных с Оренбургской линии на Сибирскую?» – рассуждал он. Если учитывать, что развитие торговли с ханствами Центральной Азии было одним из направлений внешней политики Российской империи, то данный аргумент был важнейшим.

После смерти Сухтелена в 1833 г. Оренбургским военным губернатором был назначен В. А. Перовский. Он сообщал в Азиатский департамент Л. Г. Сеньявину, что необходимо срочно провести разграничение земель двух ведомств, и был раздражен тем, что сибирское начальство рассматривало только казахов Среднего жуза как подданных империи, не обращая внимания на то, что казахи Младшего жуза раньше вошли в состав России. В. А. Перовский обращал внимание и на «разнохарактерность управления в обоих ведомствах». «Одно из самых важных и вреднейших несогласий составляет разность наказания за воровство. Оренбургские киргизы подвергаются за него всей строгости уголовных законов наших, у сибирских же кража считается делом исковым, что и побуждает их безнаказанно обогащаться на счет первых», – заявлял он [8, л. 51].

По вопросу проведения границы он признавал право на речки Тургаи Оренбургского ведомства и предложил провести границу по водоразделу рек, впадающих в Ишим и Тургай. Генерал-губернатор Западной Сибири И. А. Вельяминов выступал против этого, так как при осуществлении предложения оренбургского военного губернатора граница Оренбургского края расширилась бы на 50 км на восток и 270 км к югу, захватывая территорию Омской области. Он настаивал на точном размежевании границ по речкам и урочищам [9, л. 71].

В 1836 г. В. А. Перовский представил Записку военному министру, где говорил об ошибочности создания Аман-Карагайского приказа и предлагал его упразднить. Военный министр передал записку в Сибирский и Азиатский комитеты МИД. Но вопрос

⁴ Аман-Карагайский внешний округ открылся в 1834 г. Указом от 26 февраля 1843 г. перемещен к югу в урочище Куш-Мурун.

о разграничении земель казахов двух ведомств был отложен до 1837 г.

Подчиненность двух ведомств разным комитетам Азиатского департамента (Азиатскому и Сибирскому) МИД была неэффективной в управлении окраинами. Отсутствие единой политики на местах привело к затруднениям в использовании приграничных земель казахов двух ведомств.

Кочевая элита пыталась использовать сложившуюся ситуацию для получения определенной выгоды. «Старшины, казалось, полагали, что от них зависит, повиноваться ли или нет прямому начальству своему, или избрать иное», – писал В. А. Перовский. Бий Балкожа⁵, кочевья которого находились на р. Тобол, вызвал возмущение оренбургского военного губернатора тем, что при разговоре с ним высказал предложение «перейти вновь под Оренбургское начальство, если он будет сделан старшиною» [4, л. 34]. «Кажется ясно и неоспоримо, что подчиненные должны знать одно начальство и не могут признавать над собою по произволу, одно или другое, думая тем заслужить благоволение избранного ими, или надеясь получить какие-либо подарки», – писал В. А. Перовский [там же]. Также, например, 14 июня 1841 г. пограничное управление сибирских казахов доносило исполняющему должность пограничного начальника полковнику Фалецкому, что бий Оренбургского ведомства поручик Яны Язов неоднократно посылал в Аман-Карагайский округ к токача-аргыновцам и можакай-киреевцам разных биев, которые уговаривали названных казахов перейти в Оренбургское ведомство, обещая ходатайствовать перед начальством о наградах и наделении хорошими пастбищами. Из числа этих биев Утеген Рысов и Майман Айбасов были схвачены в волостях и препровождены к коллежскому советнику Ларионову, командированному от Оренбургской пограничной комиссии для присутствия при разграничении земель между казахами двух ведомств [10, с. 514]. Однако бий не прекратил своих действий. В 1843 г. Пограничное управление сибирских казахов, а также чиновник особых поручений Сотников докладывали, что поручик Язы Янов и правитель Восточной части оренбургских казахов султан Ахмет Джантюрин приглашали родоначальников двух волостей перейти в Оренбургское ведомство, прельщая их удобством земель и привольной жизнью. Султан Ахмет Джантюрин принял даже прошение от баганалинцев [там же]. Они приглашали перейти в Оренбургское ведомство и казахов других родов. Данный факт свидетельствует о попытке представителей Восточной части увеличить

⁵ Балкожа – бий, дед первого казахского просветителя Ы. Алтынсарина, в составе казахской делегации во главе с А. Джантюриным был в столице зимой 1849/50 г. [5, л. 100 об.; 6, л. 1, 5].

количество людей в своем регионе, так как именно эта часть Оренбургского ведомства отличалась малым количеством кочевников в своем составе. В свою очередь, приумножение кочевников в части дало бы возможность султану, правителю этого региона, увеличить объем собираемого покибиточного налога, что повысило бы его в глазах региональной администрации и позволило бы ему претендовать на определенные награды, т. е. это были, скорее всего, личные мотивы.

Летом 1835 г. оренбургский военный губернатор В. А. Перовский, объезжая вновь учрежденную между Орской и Троицкой крепостями линию, встретил урядника и казаков Сибирского ведомства на левом берегу Тобола, при озере Копа⁶. Урядник имел письменное предписание, которое разрешало ему обращаться к казахам, подведомственным Оренбургу, кочевать вместе с бием Балкожей. К этому времени бий считался подданным Сибирского начальства. Предписывалось уряднику «разведывать из-под руки, не намерены ли киргизы бия Балгуджи (Балкожа. – Г. И.) удалиться из округа», также предписание разрешало уряднику «действовать в защиту бия силою оружия» [там же]. Возмущенный действиями сибирских чиновников В. А. Перовский писал: «Для благоденствия державы нашей конечно все равно, которое из двух смежных начальств будет заведывать тем или другим племенем кайсаков (казахи. – Г. И.), но дело должно быть решено и определено в возможно скором времени, потому что подавало и подает непрестанные поводы к беспорядкам. Сибирское начальство, по неизвестным для меня видам, старается приобщать кайсаков Оренбургского ведомства к составу Омской области» [там же, л. 33 об.]. Он выступал против перехода казахов Восточной части в Сибирское ведомство. Образование Аман-Карагайского внешнего округа вдали от центра Сибири В. А. Перовский считал ошибкой.

С приходом к управлению Западной Сибирью П. Д. Горчакова⁷ возобновился вопрос о разделении границы двух ведомств. Он признавал, что расположение округа неудачное, и предлагал срочно решить данный вопрос. В 1838 г. по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири был составлен предварительный чертеж намеченной границы (рисунок). Его подписали два начальника ведомств.

7 июня 1838 г. были Высочайше утверждены положения комитета министров «О разграничении земель киргиз-кайсаков Сибирского и Оренбургского ведомств». Для проведения границы была образована

⁶ Ни один из генерал-губернаторов Сибири не распространял претензий на р. Тобол, которая не входит в пределы Омской области [4, л. 33].

⁷ Петр Дмитриевич Горчаков – генерал-губернатор Западной Сибири в 1836–1850 гг.

Рисунок. Чертеж намеченной границы
Источник: РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. Д. 1. Л. 84 об. – 85

специальная комиссия, где участвовали офицеры Генерального штаба, чиновники МИД, а также депутаты от казахов. В 1838 г. 2-я полурота топографов роты № 4 при Отдельном Сибирском корпусе была увеличена на 12 топографов [11, с. 195]. Топографические съемки были назначены на лето 1838 г., но работа эта так и не состоялась. Как сообщается в отчете об управлении киргизской степью за 1840 г., в 1839 г. была проведена часть пограничной черты между сибирскими и оренбургскими киргизами (казахами. – Г. И.) особо командированными чиновниками с обеих сторон [12, л. 9].

В связи с начавшимся в 1837 г. и продолжавшимся в течение 1839 г. восстанием под руководством К. Касымова были приостановлены действия по разграничению земель казахов двух ведомств. К проведению пограничной черты предстала возможность приступить только в конце июля 1840 г., поэтому работы комиссии по проведению черты ограничились местностью от так называемого Красного Столба (между Алабужским и Сибирскими редутами) до впадения Верхней Абуги в озеро Денгиз. В то время грань коснулась лишь племени аргын, состоявших в ведении бывшего Аман-Карагайского приказа [10, с. 511; 13, л. 19 об.]. При проведении границы до 3 тыс. кибиток казахов аргынского рода перешли из Сибирского ведомства в Оренбургское [14, л. 1 об.].

30 июля 1840 г. началось разграничение земель казахов двух ведомств от Красного Столба до озера Тылюк. В нем участвовали от корпуса топографов прапорщик Семенов, поручик Иванов, со стороны Оренбургской пограничной комиссии коллежский советник Ларионов, а с Сибирской – Сотников. В связи с волнениями в степи оренбургский военный губернатор для охраны съёмочной партии отправил отряд старшины Лебедева из 200 казахов и башкир. При разграничении участвовали и представители казахов. В частности, депутатами со стороны Оренбургского ведомства были почетный киргиз Балтакирейского рода Нарынбай Бикбулатов и со стороны Сибирской старшина Аргынского рода прапорщик Телемис Кунгурчин. Были также и понятия: со стороны Оренбургского ведомства Алибек Казыбаев, Аманюл Джумагулов, Тактар Кунаев, Тютөбай Джуманов, Мурзабай Мамаев, Сукур Кичкентаев; с Сибирской стороны: старшины Чекай Балканов, Ордабай Даинов, киргизы: Атамбоз Упенев, Кагашбай Джаикбаев, Капсытбай Кувандыков, Сарт Утевлин [15, л. 1 об. – 2].

Черта границы началась от так называемого Красного Столба, определенного при Генеральном межевании. Данные места показали старики Алабужского и Сибирского редутов, а также некоторые казахи, которые были при раннем межевании [там же, л. 1, 1 об.]. Далее граница шла от Тылюка до западного

берега озера Шаврин. Расстояние от этого озера до Сибирского редута было промерено цепью в 1832 г. подполковником Бутовским [там же, л. 2 об.]. 31 июля граница была проведена от озера Шаврин на южный берег озера Рябова через оконечность дубровой Рябовой. 1 августа – от озера Рябова между озерами Большим и Малым Соболевыми. С правой стороны черты земля принадлежала Оренбургскому ведомству, а с левой – Сибирскому [там же, л. 3, 3 об.]. 2 августа черта границы определена была с промежутка озер Соболевых и направлена на оконечность займища Улукульского. Черта границы пролегла совершенно по ровному местоположению, займище и озеро Улукульское оставались в Сибирском ведомстве [там же, л. 4]. 3 августа граница была проведена от займища Улукульского к западной оконечности дубровы Коян агач. От Коян агача она проходила между озерами Тоскабен и Яркуль, далее от озера Кускуля до р. Абуги. С 5 по 15 августа граница была определена по реке Абуге до озера Денгиз. Граница шла 100 верст разными изгибами до озера Денгиз, левый берег по течению речки Абуга был определен Оренбургскому ведомству, а правый – Сибирскому [там же, л. 6]. С 15 по 18 августа границу провели по озеру Денгиз. Половина озера к правому берегу была определена Оренбургскому ведомству, а левая – Сибирскому [там же, л. 6 об., 7]. 18 августа граница прошла от озера Денгиз до брода Карауткуль.

4 сентября 1840 г. войсковой старшина Лебедев сообщил в Оренбургский штаб, что границу провели до брода Карауткуль, а далее предписание идти на юг до Кара-Салды-Тургая нарушалось решением Западно-Сибирского генерал-губернатора, который рассматривал проведение границы от брода Карауткуль вправо на юго-запад до вершин Тобола [13, л. 20 об.; 15, л. 22].

В августе 1840 г. генерал-лейтенант князь П. Д. Горчаков вышел с предложением к военному министру отложить разграничение на юг от озера Денгиз, связывая это с восстанием Кенесары Касымова на территории Среднего жуза⁸, на что последовала критика со стороны оренбургского военного губернатора, который подчеркнул, что переписка о разграничении земель оренбургских и сибирских казахов длится 22 года, и, перечислив причины скорейшего решения данного вопроса, высказался за срочное его решение.

Доводы П. Д. Горчакова были раскритикованы оренбургским начальником. Его обвинение в том, что оренбургское начальство слабо содействует поиску Кенесары и его сподвижников, было опровергнуто

⁸ Кенесары Касымов – султан Среднего жуза казахов, внук знаменитого хана Аблая. Он возглавил восстание казахов в 1837–1847 гг. против колониальной политики Российской империи [16].

В. А. Перовским. По словам оренбургского начальника, лишь один раз сибирское начальство обратилось к своему коллеге за помощью. В тот же период, весной 1839 г., отряд под командованием войскового старшины Лебедева был отправлен с Уйской линии на помощь сибирскому начальству [13, л. 17 об.]. В. А. Перовский высказал недоумение по вопросу задержки проведения границы между двумя ведомствами, так как при личной встрече двух губернаторов в Омске генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков дал согласие при первой же возможности отправить с обеих сторон чиновников к спорной меже [13, л. 15 об.]. Оговорка сибирского начальника, что все урочища, орошаемые реками Тургаями и прилегающие с запада к горам Улуту, всегда были убежищем Кенесары Касымова и его сообщников, аргументированно сведена на нет [13, л. 13 об., 16 об.]. «Я вполне убежден в необходимости и возможности разграничения в настоящее время», – писал В. А. Перовский [13, л. 16].

Оренбургский военный губернатор также был обеспокоен вмешательством сибирского начальника в дела оренбургских казахов и незаконным распространением их власти частично на территорию Восточной части. В частности, полковник Набоков в 1830 г., подполковник Бутовский в 1832 г., сибирские начальники при учреждении Аман-Карагайского приказа в 1835 г. пытались склонить оренбургских казахов к самовольному переходу в Сибирское ведомство [там же, л. 17]. Но и в 1841 г. сибирские казаки, находившиеся в кочевьях оренбургских казахов, по неизвестной Оренбургу причине захватили посланного Кенесары с письмом к оренбургскому начальству казаха из рода аргын Бейсенбая Дюнёнбаева [там же, л. 89]. Также были обнаружены факты, когда в начале апреля 1841 г. 15 сибирских казаков с казахами племени уак разъезжали по аулам аргынов, кочующих около Наурузум Карагая, и делали взыскание по неизвестному аргынам иску на них уаковцев [там же, л. 98 об.].

В 1841 г. граница от Карауткульского брода пошла до р. Верхней Абуги и Барынкуль-тал до ее истока, потом по хребту, отделяющему р. Тургай от вод, впадающих в Ишим, до вершин речки Карын-Салды-Тургай, а от вершин ее, по тому же хребту, отделяющему Тургай от речек, впадающих в Ишим, до гор Улуту, и наконец, от них в прямом направлении на юг до озера Телекуль-тата [14, л. 2 об.]. В 1842 г. граница была доведена до горы (сопки) Майтюбе и далее [17, л. 3]. Проведенная граница, отделяющая земли сибирских казахов от оренбургских, составила протяженность в степь на 945 верст [там же]. Оставалось пройти только последнюю часть разграничения – от горы Майтюбе провести границу до озера Телекуль-тата [там же, л. 3 об.].

Для окончательного разграничения территории в 1843 г. по распоряжению оренбургского военного губернатора, согласованному с генерал-губернатором Западной Сибири П. Д. Горчаковым, были командированы на Сибирскую линию до укрепления Джаркаин со стороны Оренбурга офицер Генштаба, чиновник Пограничной комиссии губернский секретарь В. Григорьев и писец Полозов. Следовавшие к горам Улуту, в Аман-Карагайский округ в 80 верстах от этого приказа, 11 июня 1843 г. они попали в плен восставшим казахам под руководством Кенесары Касымова. Сибирской администрацией были отправлены письма к брату Кенесары Кочеку Касымову и родоначальнику Байкадаму Сарыкину с просьбой выдать русских пленных. Через некоторое время пленники были возвращены и доставлены в Джергаин-агачское укрепление [18, л. 8]. Хотя они и были освобождены, но слабое здоровье В. В. Григорьева не дало ему возможности продолжить путь. Окончательное проведение границы было отложено до весны 1844 г. [17, л. 4]. По мнению Н. Е. Бекмахановой, окончательное разграничение от горы Майтюбе до озера Телекуль-тата было проведено в 1844–1845 гг. [19, с. 91]. Но изученные автором архивные материалы свидетельствуют о том, что в течение 1843–1852 гг. не проводилось разграничения земель между оренбургскими и сибирскими казахами. Разделительная черта осталась такой, какой она была проведена в 1842 г., т. е. от вершины Карын-Салды-Тургай до сопки Майтюбе [18, л. 6 об.; 20, л. 7; 21, л. 5 об.; 22, л. 5 об.].

Отголоски разграничения земель казахов Оренбургского и Сибирского ведомств доходили до 60-х гг. XIX в. С 15 июня 1864 г. в течение недели работала комиссия, назначенная для разбора взаимных претензий между сибирскими и оренбургскими казахами. Разбирательство и окончательное решение по вопросам проводилось на основе народных обычаев, но два вопроса остались вне их компетенции. Это касалось спора за землю на урочище Джиты-Кыз между оренбургскими и сибирскими казахами. Второе дело было связано со стеснением баганалинцев⁹ Атбасарского

⁹ Баганалинцы – род в составе племени найман Среднего жуза. В 1840 г. во время проведения границы между сибирскими и оренбургскими казахами было разрешено казахам выбрать по удобству одно из ведомств. Баганалинцы перешли в Сибирское ведомство в состав Кокчетавского округа. От лица приграничного начальника баганалинцам было послано два пригласительных письма от двух приказов: Аман-Карагайского и Кокчетавского. Они сами выбрали последний. В тот же год им были назначены места летних кочевок и зимовые стойбища в пределах сибирской степи. Причина перехода их в Сибирское ведомство была связана с тем, что после восстания Кенесары Касымова (1837–1847 гг.) произошло значительное опустошение на территории Среднего жуза центра восстания. Многие казахские роды переселились на террито-

округа Актасбадансеитовской волости Сибирского ведомства в зимовках казахами Оренбургского ведомства [там же, л. 504]. В октябре 1860 г. волостной управитель Чигырев обратился в местный окружной приказ с тем, что казахи Оренбургского ведомства племени аргын и кыпчак стесняют казахов рода баганалы, находящихся под его управлением в пользовании урочищами Майтюбе, Бай-Кунгур, Джийдалы, Мулдур, Чубар-Тениз, Киик и Куяк-Карта. В ходе разбирательства выяснилось, что казахи Атбасарского округа, присваивающие себе горные хребты Бай-Кунгур и Май-Тюбе, имеют право пользоваться только незначительной его частью, а именно: логами и оврагами в самом соединении названных хребтов с главной цепью гор, склон же хребтов был весь отрезан границей в область оренбургских казахов. Другие вышеназванные урочища лежали вне пределов земель Сибирского ведомства. Комиссия решила, что баганалинцы не могут претендовать на владения урочищами Джийдалы, Мулдур, Чубар-Тениз, Киик и Куяк-Карта, а также склонами горных хребтов Байконура и Май-Тюбе, отошедшими по разграничению земель в Оренбургское ведомство [там же].

Баганалинцы кочевали летом от верховьев Тургаев и направлялись к р. Ишиму. А зиму проводили на Тургаях, затем частью – в окрестностях Улутау, частью – в Каракумах. Рядом с ними находились кочевки кыпчаков и табынцев. Баганалинцы после перехода в Сибирское ведомство начали переходить на летнее время Ишим и располагаться на правом берегу данной реки по 2–3 месяца. Но с переходом их в другое ведомство изменились их маршруты кочевания. В 1845 г. возникла Улутауская станица и устроена была дорога от Атбасара до Улутау с расположением многих пикетов по р. Терс-Аккан, а в 1848–1849 гг. были введены в состав Акмолинского округа 4 кыпчакские волости, кочевавшие прежде на правой стороне Иртыша и продвинувшие Алеке-Байдалинскую волость к баганалинцам. Они были вынуждены проходить узкую и маловодную полосу с Ишима на Сары-Ченгир. Стеснение в кочевании баганалинцев привело к тому, что они силой прокладывали путь для летних переходов через земли Оренбургского ведомства. В 1848 г. начались столкновения между оренбургскими и сибирскими казахами. Волостным правителям и заседателям от баганалинцев было объявлено, что в случае повторения самовольных переходов баганалинских казахов в оренбургскую степь они за слабый надзор и неисполнение своих служебных обязанностей будут освобождены от должностей

рию за р. Чу, поэтому, когда часть их вернулась обратно в свои кочевья, баганалинцы были вынуждены вернуться на маршруты кочевания через оренбургскую степь [10, с. 508]. В 1841 г. отделение кидель кыпчаков кочевало в 264 кибитках [там же, с. 512].

и преданы суду [23, л. 11 об.], это должно было привести заново к пересмотру границы Оренбургского и Сибирского ведомств. Но этого не случилось [21, л. 5 об.].

Казахи Оренбургского ведомства, со своей стороны, тоже жаловались ежегодно Сибирскому начальству, что баганалинцы переходят с их летних кочевков на зимние и обратно по р. Терис-Аккан. Оренбургские казахи считали места по этой реке своими, а баганалинцы уверяли, что пространство, по которому они проходят, им принадлежало издревле. Последние, в свою очередь, также обратились к своему Сибирскому начальству о возвращении этих земель. Они признались, что во время разграничения земель Оренбургского и Сибирского ведомств сделали подарок родоначальнику племени аргын Язы Янову, являвшемуся при разграничении земель депутатом со стороны оренбургских казахов. Баганалинцы, думая остаться в Оренбургском ведомстве, просили Я. Янова углубиться в сибирскую степь, чтобы как можно больше земель отрезать оренбургскому ведомству, но, в конечном счете, лишились мест, где находились могилы их дедов и отцов.

Начальники двух ведомств выступали с критикой этого случая, рассматривая его как выдумку. Сибирские чиновники писали: «Как на проектном плане, так и в натуре граница от брода Карауткуль на р. Убогане проведена по черте разделения вод, принадлежащих, с одной стороны, бассейну Тургаев, а с другой – бассейну р. Ишима, и только в видах учреждения военного поста в Улутау допущено отклонение ее от нормального направления против Улутауских гор, да и то не в пользу оренбургской степи. Следовательно, бий Язы не в состоянии был отвести границы по той простой причине, что не мог изменить течение рек» [10, с. 509].

Каждый из начальников ведомств, высказывая заинтересованность в определенных землях своих подвластных казахских племен и родов, защищает их интересы.

Изыскивая возможности решения устройства пути для перехода казахов баганалинского рода с летних кочевков на зимние стойбища и обратно внутри сибирской степи, Сибирское начальство обнаружило в 1864 г., что «ни в канцелярии военного губернатора, ни в областном правлении нет даже удовлетворительной географической карты области» [там же, с. 515]. Лишь после этого в 1864 г. появилась карта разграничения земель казахов двух ведомств [24, л. 1].

Таким образом, внутреннее административно-территориальное устройство казахской степи как региона империи было одной из задач на пути организации единого имперского пространства. Возникший после реформ 1822–1824 гг. вопрос о разграничении земель казахов Оренбургского и Сибирского

ведомств рассматривался как один из путей имперской интеграции региона. Как утверждает Соля, «дисциплинарная власть осуществляется главным образом через организацию, ограничение и контролирование людей в пространстве» [25, с. 137]. Введенный по реформам кибиточный налог у казахов Младшего жуза и ясак в Сибирском ведомстве показывает, что казахи начали «включаться» к функционирующему государственному строю. Введение налогов требовало знания не только точного количества коренного населения, но и территории его кочевания. Оренбургский и Западно-Сибирский генерал-губернаторы рассматривали границы собственности своих подчиненных казахов как гарант подтверждения права на сбор налогов.

При определении границы казахов двух ведомств возникли споры о приграничных землях. В эти дебаты были вовлечены как представители российской администрации, так и казахи разных социальных групп Оренбургского и Сибирского ведомств.

Разграничение территорий двух ведомств решалось на самых верхах власти. Личные позиции сановников Петербурга, местных начальников региона влияли на процесс проведения границы между землями казахов Младшего и Среднего жузов. Административная граница прошла по рекам, озерам, урочищам, т. е. по природному ландшафту.

Контроль со стороны МИД, Военного министерства, Генштаба позволил главным начальникам окраины решить вопрос безболезненно для пограничной администрации, тогда как местное население начало испытывать нужду в пастбищах в связи с нарушением маршрутов кочевков, установленных их предками. Учитывая родственные связи, казахи Среднего жуза рода аргын, кыпчаки переселились в Оренбургское ведомство, тогда как баганалинцы остались в ведомстве Сибирского начальника.

Данная проблема, впервые возникшая в 1818 г., так и не была разрешена в первой половине XIX в. Возникшие в 30-е гг. вопросы нехватки земли для кочевания дошли до 60-х гг. XIX в. и стали одной из острых проблем номадов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). – Ф. 338. – Оп. 1. – Д. 365.
2. ЦГА РК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 327.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Избасарова Г. Б., кандидат исторических наук, доцент, докторант исторического факультета

E-mail: iz_gulbanu@mail.ru

Тел.: 8-926-253-65-69

3. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 20654. Карта Оренбургской губернии и земли Уральского казачьего войска. 1831 г.

4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1291. – Оп. 82 (1830 г.). – Д. 1.

5. *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта : сравнительно-исторический подход / А. Рибер // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей / под ред. И. В. Герасимова [и др.]. – Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. – С. 199–242.

6. РГВИА. – Ф. 846. – Оп. 16. – Д. 20639.

7. *Крафт И. И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей / И. И. Крафт. – Оренбург, 1898. – Отд. 2.

8. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). – Ф. 6. – Оп. 10. – Д. 5071.

9. ЦГА РК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 352.

10. Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867) : сб. документов и материалов. – Алма-Ата : Наука, 1964. – 575 с.

11. *Заблоцкий-Десятовский.* Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов (1822–1872) / Заблоцкий-Десятовский. – СПб., 1872.

12. РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 4. – Д. 146.

13. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 10. – Д. 4875.

14. ЦГА РК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 346.

15. ГАОО. – Ф. 6. – Оп. 10. – Д. 5076а.

16. *Бекмаханов Е.* Казахстан в 20–40 годы XIX века / Е. Бекмаханов. – Алма-Ата : Казак университеті, 1992. – 400 с.

17. ЦГА РК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 366.

18. РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 4. – Д. 98 (1844 г.).

19. *Бекмаханова Н. Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. – М. : Наука, 1980. – 280 с.

20. РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 4. – Д. 121 (1846 г.).

21. РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 4. – Д. 95 (1848 г.).

22. РГИА. – Ф. 1281. – Оп. 4. – Д. 96 (1849 г.).

23. РГИА. – Ф. 853. – Оп. 1. – Д. 41.

24. ЦГА РК. – Ф. 689. – Оп. 1. – Д. 8.

25. *Кивельсон В.* Картографии царства : Земля и ее значения в России XVII века / В. Кивельсон ; пер. с англ. Наталии Мишаковой ; науч. ред. перевода М. Кром. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 360 с.

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Izbasarova G. B., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Doctoral Student of Historical Faculty
E-mail: iz_gulbanu@mail.ru
Tel.: 8-926-253-65-69*